

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)44

УДК 94(47).04=161.1(045)"+"(470+571)

Пенской В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени

Аннотация: в статье автор с привлечением широкого круга отечественных и иностранных источников рассматривает проблемы, связанные с организацией снабжения русских войск позднего Средневековья – раннего Нового времени и обусловленные этим некоторые особенности развития русского военного дела и искусства этой эпохи.

Ключевые слова: XVI в., Россия позднего Средневековья – раннего Нового времени, военное дело, военное искусство, логистика.

Автор: Пенской Виталий Викторович, Россия, г. Белгород. В 1992 г. закончил исторический факультет Белгородского педагогического института, работал учителем в школе, после защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук – в Белгородском государственном университете, где и продолжает трудиться и по сей день. Область научных интересов – история России позднего Средневековья – раннего Нового времени и история русского военного дела сер. XV – нач. XVII вв. syn.boyarskoy2009@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Haldon J. et al. Marching across Anatolia: Medieval Logistics and Modeling the Mantzikert Campaign // *Dumbarton Oaks Papers*. — Vol. 65/66 (2011-2012).

Nusbacher A. Civil Supply in the Civil War: Supply of Victuals to the New Model Army on the Naseby Campaign, 1-14 June 1645 // *The English Historical Review*. — Vol. 115. — No. 460 (Feb., 2000).

Perjes G. Army Provisioning, Logistics and Strategy in the Second Half of the 17th Century // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — Vol. 16. — No. 1/2 (1970).

Shean J. Hannibal's Mules: The Logistical Limitations of Hannibal's Army and the Battle of Cannae, 216 B.C. // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, Bd. 45, H. 2 (2nd Qtr., 1996).

Feeding Mars: logistics in Western warfare from the Middle Ages to the present. — Boulder, 1993.

Logistics of warfare in the age of the Crusades: proceedings of a workshop held at the Centre for Medieval Studies, University of Sidney, 30 September to 4 October 2002. — Aldershot-Burlington, 2006.

Parker G. The Army of Flanders and the Spanish Road 1567-1659. — Cambridge, 1972.

Hellie K. The Costs of Muscovite Military Defense and Expansion // *The military and society in Russia: 1450-1917*. — Leiden-Boston-Cöln, 2002.

- Smith D. Muscovite Logistics, 1462-1598 // *The Slavonic and East European Review*. — Vol. 71. — No. 1 (Jan., 1993).
- Stevens C. Food and supply: logistics and the early modern Russian army // *Warfare in Eastern Europe, 1500-1800*. — Leiden-Boston, 2012.
- Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу 1807-1814. — М., 2012.
- Азбелев С.Н. Численность и состав войск на Куликовом поле // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. — 2015. — № 4.
- Азбелев С.Н. География сражения на Куликовом поле // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. — 2013. — № 4. — С. 12-20.
- Памятники истории восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571-1580 гг. — Москва-Варшава, 1998.
- Смирнов А. Государство сражающейся нации // *Родина*. — 1994. — № 9.
- Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2007.
- Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI-XVII вв. Словарь-справочник. — М., 2015.
- Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. I.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. — Рязань, 2007.
- Аграрная история северо-запада России XVI века. — Л., 1974.
- Perjes G. *Army Provisioning, Logistics and Strategy in the Second Half of the 17th Century*.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I // *Сборник Императорского Русского Исторического общества*. — СПб., 1884. — Т. 41.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. — СПб., 1846. — Т. I.
- Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях // *Исторический архив*. № 4, — 1959.
- Акты служилых землевладельцев. — М., 2008. — Т. IV.
- Метрыка Вялікага княства Літўскага. Кніга 44. Кніга запісаў 44 (1559-1566). — Мінск, 2001.
- Lietuvos Metrika*. Kn. № 51 (1566-1574). — Vilnius, 2000.
- Акты служилых землевладельцев. — М., 2002. — Т. III.
- Акты служилых землевладельцев. — М., 1997. — Т. I.
- Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // *Русский дипломатарий*. — М., 2004. — Вып. 10.
- Каштанов С.М., Робинсон А.М. Две жалованные грамоты 1510 года псковским монастырям // *Записки отдела рукописей ГБЛ*. — М., 1961. — Вып. 23.
- Кобрин В.Б. Две жалованные грамоты Чудову-монастырю: (XVI в.) // *Записки отдела рукописей ГБЛ*. — М., 1962. — Вып. 25.
- Прокопенко А.М. Новые документы по истории землевладения Николо-Угрешского монастыря // *Русский дипломатарий*. — М., 1997. — Вып. 2.
- Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580-1581 гг.). — Псков, 2005.
- Пенской В.В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 г. // *Военно-исторический журнал*. — 2012. — № 10.

Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. // Русский дипломатарий. — Вып. 10.

Акты Русского государства 1505-1526 гг. — М., 1975.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. // Сборник Императорского Русского Исторического общества. — СПб., 1884. — Т. 41.

Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. — М., 1975.

Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Zweite Abt. Band 1. 1494 Ende Mai – 1500. — Riga-Moskau, 1900. — P. 113.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2016/03/31/penskov_8

Ссылка для печатных изданий:

Пенской В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 85-106. <http://www.milhist.info/2016/03/31/penskoy_8> (31.03.2016).

Penskoy V. “... They have made provisions for the entire winter, till the spring has come”: logistics of the Russian state from the late medieval toward early modern times

Summary: Using the wide spectrum of the primary sources found home and abroad, the author reconstructs and analyzes problems related to the organization of logistics and supplies of the armies of the Russian state. Further, the article is also discussing some specifics of the Russian art of war and military history for the above historic period.

Keywords: XVI century, Russia, Art of War, logistics

Author: Vitally B. Penskoj is a history professor; he currently works at the Belgorod State University, Russia. His specialty is in the late medieval and early modern Russian history, including military history, mid-fifteenth – early seventeenth centuries
syn.bovarskov2009@yandex.ru

References:

Haldon J. et al. Marching across Anatolia: Medieval Logistics and Modeling the Mantzikert Campaign // *Dumbarton Oaks Papers*. — Vol. 65/66 (2011-2012).

Nusbacher A. Civil Supply in the Civil War: Supply of Victuals to the New Model Army on the Naseby Campaign, 1-14 June 1645 // *The English Historical Review*. — Vol. 115. — No. 460 (Feb., 2000).

Perjes G. Army Provisioning, Logistics and Strategy in the Second Half of the 17th Century // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — Vol. 16. — No. 1/2 (1970).

Shean J. Hannibal's Mules: The Logistical Limitations of Hannibal's Army and the Battle of Cannae, 216 B.C. // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, Bd. 45, H. 2 (2nd Qtr., 1996).

Feeding Mars: logistics in Western warfare from the Middle Ages to the present. — Boulder, 1993.

Logistics of warfare in the age of the Crusades: proceedings of a workshop held at the Centre for Medieval Studies, University of Sydney, 30 September to 4 October 2002. — Aldershot-Burlington, 2006.

Parker G. *The Army of Flanders and the Spanish Road 1567-1659*. — Cambridge, 1972.

Hellie K. *The Costs of Muscovite Military Defense and Expansion // The military and society in Russia: 1450-1917*. — Leiden-Boston-Cöln, 2002.

Smith D. Muscovite Logistics, 1462-1598 // *The Slavonic and East European Review*. — Vol. 71. — No. 1 (Jan., 1993).

Stevens C. *Food and supply: logistics and the early modern Russian army // Warfare in Eastern Europe, 1500-1800*. — Leiden-Boston, 2012.

Azbelev S.N. Chislennost' i sostav vojsk na Kulikovom pole [The number and composition of troops on the Kulikovo field] // *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki*. — 2015. — № 4.

Azbelev S.N. Geografija srazhenija na Kulikovom pole [The geography of the battle of Kulikovo] // *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki*. — 2013. — № 4. — S. 12-20.

Smirnov A. Gosudarstvo srazhajushhejsja nacii [The state of fighting nation] // *Rodina*. — 1994. — № 9.

Alekseev Ju.G. Pohody russkih vojsk pri Ivane III [The campaigns of the Russian army under Ivan III]. — SPb., 2007.

Perjes G. *Army Provisioning, Logistics and Strategy in the Second Half of the 17th Century*.

Pamjatniki diplomatskih snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Krymskoj i Nagajskoj ordami i s Turciej. T. I // Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshestva. — SPb., 1884. — T. 41.

Buganov V.I. Dokumenty o srazhenii pri Molodjah [Documents about the battle at Moladah] // Istoricheskij arhiv. № 4, — 1959.

Penskoj V. V. «Grjazevoj» pohod knjazja Dmitrija Ivanovicha na Smolensk v 1502 g. ["Mud" campaign of the Prince Dmitri Ivanovich of Smolensk in 1502] // Voенno-istoricheskij zhurnal. — 2012. — № 10.

Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Zweite Abt. Band 1. 1494 Ende Mai – 1500. — Riga-Moskau, 1900. — P. 113.

Internet link:

http://www.milhist.info/2016/03/31/penskoj_8

Reference link:

Penskoj V. "... They have made provisions for the entire winter, till the spring has come": logistics of the Russian state from the late medieval toward early modern times [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2016. — Vol. VIII. — P. 85-106. <http://www.milhist.info/2016/03/31/penskoj_8> (31.03.2016).

**«...И ЗАПАС ПАСЛИ НА ВСЮ ЗИМУ ДО ВЕСНЫ»:
ЛОГИСТИКА В ВОЙНАХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ЭПОХИ
ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ – РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ.**

Выражение «Дилетанты изучают тактику, любители – стратегию, профессионалы – логистику», введенное в оборот неизвестно кем и неизвестно когда, как нельзя лучше определяет сущность современных подходов к изучению проблем развития военного дела и военного искусства. «История битв и сражений», столь популярная в прежние времена, отошла на второй план, хотя и по-прежнему представляется более яркой, запоминающейся и оттого сохраняющей доминирующие позиции в общественном сознании темой. В самом деле, за клубами порохового дыма, развевающимися знаменами и прочими традиционными атрибутами «полей славы» совершенно незаметной остается та самая черновая, скучная и, на первый взгляд, незначительная работа, которая, собственно, и служит порукой пресловутым «полям славы».

В западноевропейской историографии, посвященной проблемам эволюции военного дела, проблемы, связанные с «теневой» стороной войн и кампаний, с вопросами обеспечения и снабжения действующей армии провиантом, фуражом, амуницией и прочим – всем, что жизненно необходимо для ведения войны и достижения в ней победы, исследуются давно и достаточно плодотворно. Простой перечень работ, больших и малых¹, специализированных или включающих в себя отдельные разделы², посвященные проблемам логистики, занял бы, пожалуй, не один десяток строк мелким шрифтом. Увы, в этих работах, за малым исключением³, западные исследователи практически не касаются проблем, связанных с особенностями обеспечения армии и ведения военных действий на просторах Восточной Европы. На то есть как объективные, так и субъективные причины, но это совершенно не извиняет отечественных историков, пренебрегающих изучением этой проблемы. Нет,

конечно, когда речь заходит о сражениях Великой Отечественной (в меньшей степени – Первой мировой) войны, то эти вопросы поднимаются, но вот что касается более ранних периодов, в особенности позднего Средневековья – раннего Нового времени, то такие исследования фактически отсутствуют (а если и имеются, то только переводные⁴). Как результат – на свет появляются работы, казалось бы, авторитетных ученых, в которых на полном серьезе защищается «тьмочисленность» русских ратей той эпохи (со ссылкой, естественно, на сведения из нарративных источников, более того, источников, имеющих явно литературное происхождение)⁵.

С чем связано такое отсутствие интереса к материальной стороне развития военного дела позднего Средневековья – раннего Нового времени в отечественной историографии? Вопрос более чем интересный, в особенности, если учесть господство в советской исторической науке (в отношении которой преемственность современной российской науки несомненна) марксистской (пусть и в изрядно вульгаризированной и упрощенной форме) «экономической» исследовательской парадигмы. Можно предположить, с одной стороны, что на это оказало влияние традиционно пренебрежительное, установившееся еще с XIX в., отношение русской исторической школы к вопросам истории военного дела (отданным на откуп историкам в погонах). С другой стороны, определенную роль могла сыграть и свойственная некоторым крупным советским историкам-медиевистам, задававшим тон в исследованиях в этой сфере, некая оппозиционность насаждаемой сверху официальной идеологии. И, наконец, *last but not least* – плохое, если не сказать отвратительное, состояние источников. Так, Н. Ф. Демидова в предисловии к публикации документов приказного делопроизводства, касавшихся боевых действий в Ливонии в конце 70-х гг. XVI в., отмечала, что «основная масса материалов московских приказов, связанных с событиями Ливонской войны, погибла в огне большого пожара 1626 г.». Те же, что дошли до наших дней, уцелели буквально чудом – фактически только потому, что попали в архив Посольского приказа⁶. Между тем, если принять за основу тезис, выдвинутый в свое время

А. Смирновым, о том, что в Русском государстве «военная централизация была достигнута гораздо раньше, чем политическая или экономическая»⁷, можно только сожалеть о том, какой огромный пласт приказной документации⁸, касающейся различных аспектов русской военной *Alltagsgeschichte* эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени оказался навеки утрачен.

Тем не менее, даже сохранившиеся (зачастую в нарративных источниках) отрывочные сведения относительно снабжения русских ратей времен позднего Средневековья – раннего Нового времени позволят нам сделать определенные выводы не только о характере и масштабах тех проблем, которые приходилось решать дьякам Разрядного приказа (и их предшественникам, ибо сам Разрядный приказ первые упомянут под 1534 г.) при подготовке и ведении кампаний и походов, но и дать материальное обоснование критике концепций «тьмочисленности» московских ратей.

С легкой руки имперского посланника и мемуариста С. Герберштейна сложилось убеждение (поддерживаемое впоследствии другими иностранными авторами и некритически воспринятое отечественными историками), что русские крайне неприхотливы и непритязательны и способны (как и их кони) переносить невероятные, по западным меркам, тяготы войны, довольствуясь самым малым⁹. Вместе с тем, даже если принять во внимание это мнение, все равно полностью отмахнуться от вопросов организации более или менее упорядоченного снабжения войск провиантом и фуражом (не говоря уже о снаряжении и боеприпасах, потребность в которых по мере развертывания в России того времени процессов, связанных с военной или «пороховой» революцией, только возрастала) было невозможно уже хотя бы по той простой причине, что пресловутая военная централизация предполагала и наведение определенного порядка в этой сфере. Кроме того, не стоит забывать о том, что наряду с конной поместной милицией и снаряжаемыми с «земли» пищальниками и посошными людьми, которые, в известной степени, должны были сами обеспечивать себя фуражом и провиантом, на протяжении всего XVI в., особенно со второй его половины, в структуре русского войска неуклонно

росла доля служилых людей «по прибору» (стрельцов, пушкарей, казаков и пр.). Их обеспечение жалованием – денежным, хлебным и иным, полностью брала на себя государева казна.

Добавим к этому еще и то обстоятельство, что восточноевропейский театр военных действий, в отличие от западноевропейского (и в меньшей степени – от балканского), характеризуется существенно менее развитой инфраструктурой, немногочисленным и рассеянным населением, которое к тому же и проживало по преимуществу в небольших городах и малодворных селах и деревнях. Для примера: в Деревской пятине Новгородской земли в начале 40-х гг. XVI в. деревни-одnodворки составляли почти 45 % от общего числа сельских поселений, двухдворки – чуть больше 31 % и чуть больше 16 % – трехдворки. Больших сел, насчитывающих более 20 дворов, было всего лишь 0,1 %¹⁰. И чем дальше на юг и восток, тем хуже будут обстоять дела с инфраструктурой, и тем меньше будет население и его плотность. Отсюда и сложности с воплощением в жизнь принципа «Война кормит войну», ибо, как отмечал генерал-интендант 1-й русской Западной армии, а впоследствии министр финансов Российской империи Е. Ф. Канкрин, армия может полагаться на этот принцип только при условии, что она будет действовать в регионе, плотность населения которого будет не меньше 35 чел. на км². Между тем, в западной части России в начале XVIII в. (sic – !) этот показатель составлял 6 человек, в Речи Посполитой – 8, в Пруссии – 15, в северо-западной Венгрии – 16-18, в Силезии – 31, и лишь во Франции – 39¹¹.

Одним словом, великокняжеская администрация, так или иначе, хотела она того или не хотела, но должна была взять на себя разрешение логистических проблем, не полагаясь на способность служилых людей полностью обеспечить себя на все время ведения войны провиантом и фуражом. Чтобы наглядно представить себе их размеры, приведем несколько скучных цифр. В 1502 г. великий князь наказывал приставу Федору Васильеву сыну Далматову, сопровождавшему крымских послов, «корм давати послом на станех» (т.е., выходит, на один день) по следующей «норме» – «на десять лошадей острамок

сена да четверть овса» да «татаром царевым Менли-Гиреевым людем, девяти человеком: тушу баранью, да полгривенки соли, да ставец заспы...»¹². Зная примерные значения острамка, четверти и ставца, получаем, что ежедневная «норма» выдачи крупы на человека составляла около 0,1 кг, примерно 0,4 кг (фунт или несколько больше) мяса и 0,02 кг соли, коню же полагалось примерно полпуда сена (чуть больше 8 кг) и около 5 кг (или немногим больше) овса.

Спустя полвека с небольшим, зимой 1555 г., новгородским дьяком Федору Борисову сыну Еремееву и Казарину Дубровскому из Москвы пришел царский указ, предписывавший дьякам «по ямом людцкие кормы и конские, часа того, готовити» «на день, на всякой ям» (чтобы ратным людем, отправленным на войну со шведами, «без корму не было», а «крестьянству того для дорогою силы и грабежу кормового не было»). В указе прописывались и нормы, по которым надлежало готовить «корм»: «...на восьмьдесят человек яловица, по польосмине круп, по полубезмена соли, или на десять человек по борану, круп и соли на денгу... А конского корму приготовить на десять лошадей по четвертки овса да по острамку сена, на день, на всякой ям»¹³. Как видно, сутодача фактически осталась такой же, как и в предыдущем случае – что для людей, что для лошадей.

Тогда же князьям-воеводам П. М. Щенятеву и Д. Ф. Палецкому была послана царская грамота, в которой сообщалось, что к ним посланы с нарядом пушкарни, и велено было выдать пушкарям и их помощникам-поддатням по 2 рубля денег и припасы из расчета «на месяц по осмине муки ржаные да по полупуда соли человеку, да в поход одинова на полуосмине круп овсяных, по полуосмине толокна»¹⁴. Выходит, что суточная норма выдачи муки составляла примерно 0,9 кг и 0,27 кг соли (любопытно, но норма выдачи соли выходит существенно больше, чем в предыдущем случае). Кроме того, на всю кампанию пушкарни и их поддатни получали еще и 7 с небольшим кг овсяной крупы и 12 кг толокна. Если полагать, что поход должен был завершиться в марте, то,

выходит, что крупа и толокно выдавались из расчета дневного расхода примерно в 0,08 кг крупы и 0,13 кг толокна.

Еще один пример: в комплексе молодых документов 1572 г. есть указание на нормы выдачи провианта служилым «немцам»: «А Юрью Францбеку: ему и с людьми давать корм и с людьми съ его с тридцатью человеки на день по ... да меду по два ведра, да пива по три ведра, да по три чети овса, да по три осминки на день»¹⁵. Ежедневная «норма» выдачи составляла в этом случае примерно 2 литра меда и пива и 4 фунта овса на человека в день.

Другой случай, позволяющий судить о примерных нормах выдачи провианта: в январе 1578 г. из Разрядного приказа в Городовой приказ поступила «память» – распоряжение о рассылке грамот в ливонские города, в котором было прописано, что по государеву указу посланы в «новые неметцкие города» стрельцы московские и иные да казаки, и чтобы эти ратные люди «з государевы службы з голоду не розбрелися розно», тамошним воеводам должно было отправить соответствующие грамоты с указанием выдавать хлеб «на месяц человеку по осьмине ржи». И вот дьяк Городового приказа И. Евский отправляет куконосскому воеводе князю А. П. Хованскому предписание, в котором наказывалось выдать присланным в годованье в Куконос московским стрельцам «ис тутошнего хлеба, которой хлеб помечен в Куконос на жилецкие стрельцы, на месяц по осмине человеку ржи...»¹⁶. Речь идет, таким образом, о выдаче на одного стрельца на месяц 2-х пудов ржи, или чуть больше 1 кг зерна на день.

Спустя 13 лет из Стрелецкого приказа именем царя Федора Иоанновича астраханскому стрелецкому голове Ивану Кашкарову предписывалось выступить к Москве на «немецкую» службу (на войну со шведами) со своими 500-стами конных стрельцов. В Темникове и Кадоме стрельцам Кашкарова надлежало сделать «дневку», «попочинуть день пять или шесть», взяв на месте «корму» из расчета «на десять человек по полуосмине круп, по полуосмине толокна да на лошадь их по осмине овса да по полуастремка сена»¹⁷. Выходит, что в таком случае на стрелецкую лошадь (обычную, не строевую) полагалось в

день полпуда сена и чуть больше 5 кг овса (фактически та же норма, что и в случае с конями татарских послов девяноста годами раньше!), а каждому стрельцу полагалось 0,15 кг крупы и 0,3 кг толокна на день (почти столько же, сколько от щедрот своих выделил беглым москвитам Сигизмунд II, о чем см. ниже!).

Любопытно сравнить эти сведения с документами Литовской Метрики. Так, под 1562 г. в ней записано, что двум москвитам, Константину Некрашову (Некрасову – ?) и Богдану Лавринову, перебежавшим на сторону великого князя литовского, определен «корм» в размере каждому в квартал по бочке жита, бочке солода, два корца крупы, 2 корца гороха, пуду соли, полти свиного мяса и на свежее мясо, рыбу и сукно – 4 копы грошей (240 грошей) на год¹⁸. Для сравнения: в 1566 г. четыре московских перебежчика – Василь Левонкович, Булан Михайлович, Иван Кузмич Лихачов и Степан Матвеевич Сыривков – были одарены великокняжеским жалованьем в размере (снова на квартал) по бочке жита, бочке солода, полбочки крупы, полбочки гороху, свиной полти, пуду соли и на рыбу со свежим мясом копой грошей¹⁹. Исходя из примерных размеров бочки и корца, можно представить, что дневная норма выдачи каждому сыну боярскому, оказавшемуся на литовской службе, составляла около чуть больше 1 кг ржи, 0,25 кг крупы, примерно столько же гороху, те же 0,02 кг соли и меньше полуфунта мяса.

Из всех вышеприведенных цифр следует, что в среднем считалось нормальным выдавать на человека в день около 1 кг ржи (или ржаной муки), от полуфунта до фунта крупы и/или толокна, до фунта мяса, 0,02 кг соли и до 2 л пива. Но это, если так можно выразиться, «рабочий минимум», гарантированный от казны в том случае, если она брала на себя полностью (или частично) содержание служилого человека. В реальности ситуация была несколько иной, ибо казна брала на себя снабжение необходимым минимумом провианта и фуража (во всяком случае, так выходит по сохранившимся документам), как правило, или наемников (например, тех же «немцев» Ю. Фаренсбаха), или же своих ратных людей в том случае, когда Разрядный приказ

стремился ускорить передвижения «воинников»²⁰ и свести к минимуму насилие с их стороны над крестьянами из прилегающих к дорогам деревень (об этом чуть ниже).

Обычно же казна стремилась сократить свои расходы и переложить их на плечи самих служилых и посошных людей²¹. Они должны были рассчитывать в первую очередь на себя и на свой «запас», привозя его с собой или покупая провиант и фураж на месте на свои или выданные казенные деньги. Отсюда и соответствующая фраза в наказах служилым людям, которым предписывалось, готовясь к походу в «дальноконные грады», чтобы они «были готовы и запас себе пасли на всю зиму и до весны и лошади кормили» (в случае с зимним полоцким походом 1562/1563 гг.)²².

Правда, стоит отметить, что дети боярские и прочие служилые, отправляясь на государеву службу, могли полагаться не только на свои «запасы», но и на «сильное имание», т.е. на банальный грабеж поселян²³ по дороге, возведенный в статус обычая и де-факто законного права ратных кормиться за счет тяглых. Так, в феврале 1548 г. Василий III выдал (а позднее Иван Грозный и Федор Иоаннович подтвердили) игумену Верхнеостровского Петропавловского монастыря Конону жалованную (sic – !) несудимую грамоту, в которой особо прописал, что в деревнях монастырских «наши князи и бояре, и воеводы ратные, и всякие ездоки у их людей и у крестьян **силно не ставятца, ни кормов, ни подвод, ни проводников у них не емлют**; а кому у них лучитца стати, и он себе корм свой и конской купит по цене, как ему продадут (выделено нами – В. П.)...»²⁴. Выходит, что государь жаловал монахов и их крестьян, освобождая от тягостной повинности снабжать за свой счет проезжающих на «фронт» ратных людей провиантом и фуражом! И, естественно, никто не отменял действие принципа «война кормит войну» на вражеской территории – с той лишь поправкой, что в Восточной Европе, как уже было отмечено выше, полагаться на этот принцип было опасно и чревато большими неприятностями. Достаточно упомянуть бедствия польско-литовской армии в ходе Баториевой войны 1578-1582 гг. Многочисленная,

насчитывавшая десятки тысяч едоков и коней армия при затягивании осад быстро опустошала прилегающую к лагерю местность, маркитанты при отсутствии более или менее отлаженного централизованного снабжения войска провиантом и фуражом со своей задачей не справлялись. Характерно сетование ксендза С. Пиотровского, одного из секретарей короля Стефана Батория, датированное 27 августа (sic – !) 1581 г.: «Дороговизна на все большая, особенно на хлеб и пиво, а чтобы то и другое было хорошо, избави Боже! etc. Не удивительно, что начинаются болезни»²⁵. Справедливости ради отметим, что и русские рати также немало терпели от проблем со снабжением в схожих ситуациях при нераспорядительности командования и тыловых служб, как, например, во время неудачной осады Смоленска в 1502 г.²⁶.

Одним словом, выходит, что дети боярские (в первую очередь) должны были полагаться на «запас», который они собирали зимой и потом везли с собой на государеву службу. Что из себя представлял этот запас, можно судить, к примеру, по выдержкам из «обидного» списка и грамот полоцкого воеводы князя А. И. Ногтева-Суздальского, датированных 1571/1572 гг. Так, люди лудского помещика Федора Яковлева сына Чирикова везли ему 10 четвертей сухарей пшеничных и «людцких» (ржаных) сухарей 20 четвертей, 8 четвертей ситной пшеничной муки, 10 четвертей ржаной «людцкой» муки, толокна и заспы 12 четвертей, 20 полтей ветчины, 90 косяков солонины, 2 пуда сливочного масла, несколько пудов меда, 12 ведер вина, 20 ведер уксуса. Поснику Гаврилову сыну Рябинину его люди везли «запас» из 4 четвертей муки, 2 четвертей гречневой да 2 четвертей овсяной крупы, 1 четверть толокна, 4 фляги и 2 четвертины «вина горячево» (водки) – всего 12 ведер, 3 пуда сливочного масла, 8 сыров и 200 яиц. Те дети боярские, что были победнее, и «запас» имели поменьше – но тоже немалый. Никита Матвеев сын Чириков лишился в результате «наезда» «литовских людей» 5 четвертей сухарей и 5 четвертей пшеничной ситной муки, четверти толокна и крупы, а его брат Замятня – 12 четвертей ситной пшеничной муки, 6 четвертей сухарей, 2 четвертей толокна и крупы и 3 пуда меда. Из тех же грамот следует, что и стрельцы тоже не питались одной лишь рожью,

разбавляя ее крупой и толокном. «Литовские люди», напав на обоз, который вез припасы для полоцких жилецких стрельцов Дмитрия прибору Уварова, отняли у них, помимо сухарей (25 четвертей) и ржаной муки (25 четвертей), еще и 50 полтей ветчины. Пятидесятник казачий Федорова прибору Бурцова Третьяк Панин со товарищи вез своим людям 5 пудов меду, четверть орехов, 3 пуда масла, 2 бочки сельдей, лук, чеснок, 10 полтей ветчины, хлеб и калачи, 3 четверти пшеничной муки и четверть гречневой крупы²⁷.

Согласитесь, что эти перечни содержимого утраченного «запаса» весьма отдаленно напоминают хрестоматийную картину русского ратника, питающегося разведенной на воде мукой, приправленной кусочком свинины и перцем (ну а если их, свинины и перца, нет, то и пустая похлебка сойдет), описанную Герберштейном!²⁸ Можно, конечно, на это возразить, что в полоцких грамотах речь идет о запасах, которые везли к «годующим» на гарнизонной службе детям боярским (равно как и стрельцам, несущим такую же службу). Но, с другой стороны, провести несколько недель, а то и месяцев, на голодном пайке на тяжелой работе (а война – это тяжелая работа) – не самый лучший способ добиться победы. И уж тем более это фатально скажется на конском составе войска, ибо кони не готовы питаться надеждами на славу и будущую добычу. И подходит герберштейново описание, на наш взгляд, для «лехкой рати», посланной в набег или в погоню за столь же легким и подвижным неприятелем, не отягощенным немалым обозом.

В том же, что обоз, который тянуло за собой государево войско, мог быть весьма и весьма немаленьким, свидетельствует несколько прямых и косвенных свидетельств. Прежде всего, обращают на себя внимание проблемы с организацией марша обоза-коша, с которыми пришлось столкнуться Ивану Грозному и его воеводам и дьякам во время знаменитого Полоцкого похода 1562/1563 гг. В чудом сохранившемся поденном «журнале» Полоцкого похода (за которым в историографии закрепилось наименование «Записная книга») упоминания о «заторах великих» фиксируются с 14 января, когда главные силы русского войска начали покидать Великие Луки, и это продолжается

практически ежедневно до 29 января 1563 г.²⁹ Характерный пример: «Генваря 14 дня царь и великий князь пошел с Лук Великих к Невлю. И того дни царь и великий князь послал с утра часы за три голов Федора Салтыкова, Федора Карпова, а велел кошевников передового полку, и правые руки, и болшого полку высылати вон, которые не выбрались. А которые коши князей и детей боярских царева и великого князя полку, и царь и великий князь тех кошей наперед себя пропущати не велел, а велел наперед пропускати свой, царев и великого князя, кош, а после царева и великого князя кошу боярские и князей и детей боярских люди кошевые...». Казалось бы, указание более чем четкое, однако «как только царь и великий князь пошел, и из города в острожных воротех затор велик, и царь и великий князь велел детей боярских и детей боярских кошей уняти, а для заторов голов прибавил и велел быти князю Давыду Гундорову да князю Миките Гундорову». Но и эти меры не помогли, ибо «того ж вечера сказали царю и великому князю, что из города с Лук царев и великого князя кош не весь вышел, а затор пришел великой царева и великого князя полку, боярские, и князей, и детей боярских люди кошевые, да и болшого полку, и правые руки, и передового полку кошевые люди со царевыми и великого князя полков затерлись...». Пришлось срочно отряжать боярина Л. А. Салтыкова с дворянами на разборку заторов и наведение хотя бы элементарного порядка³⁰.

Собственно, а чему удивляться? Ведь только далеко не полные данные о численности войска, собранного для осады Полоцка, показывают, что в поход было «наряжено» одних только детей боярских порядка 17,5 тыс. человек. А вот что написал в своей духовной грамоте «своим целым умом» летом 1521 г. (во время знаменитого «крымского смерча») сын боярский Григорий Дмитриевич Русинов про свои «животы», которые он взял на «государскую службу»: помимо доспеху, с ним были «кожух черева дисьи, да с него спорок отлас дымчат, да однорятка колтырская багрова, да телик безинной, да шапка соболем, да шапка горлоната поношона, да колпак ордынскои подложены, пугвицы серебряны, да другой колпак здешней подложон, да у ожерелья у

пристежново четыре пугвицы серебряны з жемчуги гурмыцкими, да ковер, да седло сафьянно с тебенки с крымскими, да седло плоские луки, да седло лятцкое, да седло вьючное, да сумы, да кожа вьючная, да котел, да сковорода медяна, да кожица покровечная...»³¹. Не правда ли, очень похоже на описание, данное Герберштейном?

Однако это еще не все. Оказывается, Григорий Русинов накануне отослал в свою деревню вместе со своим человеком Неклюдом и племянником Василием Сморовым немаленькую «коробью с доспехом» (5 комплектов и еще один закладной «пансырь»), «да с ними отослал есми шатер, да пять гребенин, да два таза, да три сковородки медяны, две черны, а третья белая, да став блюд колужских, да уксусница да солоница да перечница оловянные, да четыре седла вьючные, да четверы сумы, да четыре кожи вьючные»³². Но и это еще не все – на «квартирах» в Боровске Русинов «покинул есми, едучи, у Ивана у Пятово в Боровске чемодан с платьем, а в чемодане платья: шуба соболья, да шуба камка голуба на черевех на белых, да терлик камка зелена стеган, да терлик тафта голуба простой, да опашень лазорев зуфной, да две сорочки с тафтою, да двое порты, да чеботы новы, да чюлки лунский лазоревы, да полуголенки багровы, да тарки...»³³.

И ведь если бы это был единичный пример! Обратимся снова к полоцким грамотам. У людей того же Посника Рябина «погромившие» их «литовские люди» изъяли «чемодан с платьем, а платья – однорятка бела, сукно влосское, обрасцы не ней шиты золотом да серебром по цениной тафте, завяски на ней шолк ал, кисти гирейские з золотом, да терлик тафтян зелен стеган, тафта шарская, кляпыши на нем шолк вишнецвет, да охабень зуфрян червчат, а на нем пятнатцать пугвиц серебряных да ормяк ордынской, полотенцо тонкое, обрасцы шиты золотом, завязки на нем шолк лазорев, да две сорочки с тясмами, да двои порты пошевные с тясмами...». Да что там сын боярский, рядовой воротник Нечайко вез с собой «однорятку лазореву сукно колтырь, да кафтан теплой заечей под крапениною под синею, да рубашку красную с тясьмою,

пугвицы у ней з жемчюги на спенках, а пояс шолков, да две рубашки полотняных, ... да двои портки...»³⁴.

И читая все эти подробные перечни взятых с собою на государеву службу всяких «животов», вовсе не удивляешься ни заторам, которые две недели пытались разгрести посланцы Ивана Грозного, ни тому, что литовский наивысший гетман Н. Радзивилл Рыжий в своей реляции о победе над русским войском на р. Ула в январе 1564 г. сообщал, что в руки литовцев попал весь неприятельский обоз общим числом 5 тыс. саней, в результате чего «наш брат, литовец, вдоволь позапасся съестными припасами, мехами, одеждою и серебряною посудою, как-то, стаканами и другим, употребляемым для питья скарбом; также множеством лат, панцирей и разных воинских орудий, которые находились в обозе...»³⁵.

В самом деле, если крымский хан Менгли-Гирей I, собираясь в поход против своего заклятого врага хана Большой Орды Шейх-Ахмеда, «всем своим людям велел готовым быти, ... и кони кормить, а у **пяти б человек телега была, а по три кони у человека** (выделено нами – В. П.), а oprичь иного корму, было бы у пяти человек по два вола...»³⁶, то почему у русского войска обоз должен был быть меньше, чем у войска татарского (приняв во внимание существующие на Руси «нормы» выдачи провианта и фуража и обычай брать с собой в поход множество всяких «животов» – не только доспеха, но и платья, шатров, ковров и прочего имущества)? Ведь даже если взять за основу татарские «нормы», то выходит, что 17,5 тыс. детей боярских, выступив в Полоцкий поход, должны были не только взять с собой больше 50 тыс. строевых, запасных и вьючных лошадей, но еще и минимум 3,5 тыс. саней с провиантом, фуражом и «животами» (а это еще 3,5 тыс. возниц и столько же лошадей). А ведь в расчет не взяты ни артиллерийский обоз, ни обоз, взятый под стрельцов и казаков (кстати, а ведь тогда в обычае было сажать стрельцов и казаков для скорости передвижения по двое-трое на телегу или на сани³⁷), ни телеги посошных людей, сопровождавших войско, и это не говоря уже о том, что воез, взятых с собой детьми боярскими, было, несомненно, больше, чем 1

воз на пятерых, по той простой причине, что вместимость одноконных саней составляла порядка 15-16 пудов³⁸. Вьючная же лошадь могла поднять груз до 100 кг³⁹. Следовательно, чтобы перевезти все то «великолепие», которым привык окружать себя сын боярский (см., например, завещание Григория Русинова), не говоря уже о провианте и фураже для него самого, его людей и коней, может оказаться недостаточно и одного целого воза.

В самом деле, если исходить из «норм» сутодачи провианта, то на 40-тысячную государеву рать в день требовалось по самым минимальным расчетам до 10-12 тонн крупы и сухарей, 16 тонн мяса, 0,8 тонн соли и больше 80 тонн пива. 120 тыс. лошадей, строевых, запасных, вьючных и запряжных, сопровождавших войско, в день потребляли бы 600 тонн твердого фуража и больше 950 тонн сена. В сумме выходит, что все это воинство требовало для прокорма около 1500-1600 тонн провианта и фуража ежедневно, а за две недели марша от Великих Лук к Полоцку войско потребило бы, соответственно, больше 22,5 тыс. тонн «корма». Размеры обоза в таком случае становились просто устрашающими, и удивляться многодневным пробкам и заторам во время Полоцкой кампании не приходится: десятки тысяч саней и лошадей наглухо перекрывали узкие зимние дороги⁴⁰. И, кстати, становится понятным, почему московиты тяготели к зимним кампаниям и использованию рек для коммуникации: зимой намного проще организовывать снабжение по санному пути, а грузоподъемность речных судов несравненно больше, чем у саней или воза, да и перемещение даже против течения значительно легче, чем по русским дорогам-направлениям. Точно также становится ясным, почему, как правило, русские рати того времени были немногочисленны – несколько тысяч, в лучшем случае 10-15 или чуть больше тыс. «сабель и пицалей». Большие же армии по типу полоцкой или казанской собирались чрезвычайно редко, так как это требовало слишком больших расходов и напряжения всех сил не только государства, но и всех «чинов», служилых и тяглых.

¹ См., например:

Haldon J. et al. *Marching across Anatolia: Medieval Logistics and Modeling the Mantzikert Campaign* // *Dumbarton Oaks Papers*. — Vol. 65/66 (2011-2012). — P. 209-235.

Nusbacher A. *Civil Supply in the Civil War: Supply of Victuals to the New Model Army on the Naseby Campaign, 1-14 June 1645* // *The English Historical Review*. — Vol. 115. — No. 460 (Feb., 2000). — P. 145-160.

Perjes G. *Army Provisioning, Logistics and Strategy in the Second Half of the 17th Century* // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — Vol. 16. — No. 1/2 (1970). — P. 1-52.

Shean J. *Hannibal's Mules: The Logistical Limitations of Hannibal's Army and the Battle of Cannae, 216 B.C.* // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, Bd. 45, H. 2 (2nd Qtr., 1996). — P. 159-187 и др.

² Ср., например: *Feeding Mars: logistics in Western warfare from the Middle Ages to the present*. — Boulder, 1993.

Logistics of warfare in the age of the Crusades: proceedings of a workshop held at the Centre for Medieval Studies, University of Sidney, 30 September to 4 October 2002. — Aldershot-Burlington, 2006.

Parker G. *The Army of Flanders and the Spanish Road 1567-1659*. — Cambridge, 1972.

³ Последние, относительно «свежие» исследования по теме:

Hellie K. *The Costs of Muscovite Military Defense and Expansion* // *The military and society in Russia: 1450-1917*. — Leiden-Boston-Cöln, 2002. — P. 41-66.

Smith D. *Muscovite Logistics, 1462-1598* // *The Slavonic and East European Review*. — Vol. 71. — No. 1 (Jan., 1993). — P. 35-65.

Stevens C. *Food and supply: logistics and the early modern Russian army* // *Warfare in Eastern Europe, 1500-1800*. — Leiden-Boston, 2012. — P. 119-146.

⁴ См., например: Ливен Д. *Россия против Наполеона: борьба за Европу 1807-1814*. — М., 2012. В предисловии к этой книге известный отечественный

специалист по истории наполеоновских войн В.М. Безотосный написал примечательные слова: «Он (т.е. Ливен – В. П.) постарался показать **работу тыла, что всегда было малопривлекательным делом** для специалистов вне зависимости от их национальной принадлежности (выделено нами – В. П.)...» (Там же. — С. 6).

⁵ Последний пример: Азбелев С.Н. Численность и состав войск на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2015. — № 4. — С. 23-29. Любопытно, что автор с упорством, достойным лучшего применения, пытается доказать, что предлагаемое археологами место сражения не может быть принято по той причине, что означенная им «тьмочисленная» русская и татарская рати не могли там поместиться (см., например: Азбелев С.Н. География сражения на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2013. — № 4. — С. 12-20). Тем хуже для археологов и их реконструкции! Естественно, что при «вычислении» места битвы логистические проблемы, возникающие при необходимости снабжать насчитывающее многие десятки тысяч ратников и лошадей войско, в расчет не берутся.

⁶ Памятники истории восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571-1580 гг. — Москва-Варшава, 1998. — С. 49, 50-51.

⁷ Смирнов А. Государство сражающейся нации // Родина. — 1994. — № 9. — С. 35.

⁸ Между военной централизацией и приказным документооборотом есть самая прямая и непосредственная связь. Ю.Г. Алексеев в своем исследовании, посвященном военным походам Ивана III, отмечал, что при нем де-факто был создан новый механизм управления войском растущего Русского государства – верховное главнокомандование, и канцелярия великого князя взяла на себя функции подготовки и проведения военных операций (Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2007. — С. 433-435). Впоследствии из

этой канцелярии выделился особый Разрядный приказ, который взял на себя решение проблем, связанных с комплектованием, обучением, вооружением и снабжением войск (Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI-XVII вв. Словарь-справочник. — М., 2015. — С. 156-157).

⁹ См., например: Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. I. — С. 247, 249. Ср. широко распространенную фразу, приписываемую английскому мореплавателю и дипломату Р. Ченслеру: «Я думаю, что нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские...» (Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. — Рязань, 2007. — С. 76). Похоже, что подчеркивание иностранными авторами выносливости москвитов служило своего рода маркером, позволяющим отделить русских «варваров» от цивилизованных и культурных европейцев.

¹⁰ Аграрная история северо-запада России XVI века. — Л., 1974. — С. 32. Ср. данные по Порховскому, Новгородскому и Старорусскому уездах Шелонской пятины на 1539 г. (Там же. — С. 81, 114, 115).

¹¹ Perjes G. Army Provisioning, Logistics and Strategy in the Second Half of the 17th Century. — P. 4.

¹² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I // Сборник Императорского Русского Исторического общества. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 441-442.

¹³ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. — СПб., 1846. — Т. I. — С. 129-131.

¹⁴ Там же. — С. 132.

¹⁵ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. № 4, — 1959. — С. 173.

¹⁶ Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны. (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571-1580 гг. — Москва-

Варшава, 1998. — С. 108-109, 116. Ср. норму выдачи резицким стрельцам тогда же (Там же. — С. 110).

¹⁷ Акты служилых землевладельцев. — М., 2008. — Т. IV. — С. 137.

¹⁸ Метрыка Вялікага княства Літўскага. Кніга 44. Кніга запісаў 44 (1559-1566). — Мінск, 2001. — С. 66.

¹⁹ Lietuvos Metrika. Kn. № 51 (1566-1574). — Vilnius, 2000.

²⁰ Как это было, к примеру, в апреле 1578 г., когда Иван Грозный потребовал от горского князя Мамстрюка Черкасского спешно выступить с Терека в Астрахань, а оттуда в Темников с расчетом успеть «до заморозов». При этом Иван обещал Мамстрюку-мурзе, что де «корм вам и на лошади готов на украине» (Акты служилых землевладельцев. — М., 2002. — Т. III. — С. 396).

²¹ Так, затребовав в 1553/1554 г. из Углича, Дмитрова, Зубцова, Белой и Твери посошных людей к строительству засеки под Тулой, царским указом «корму тем посошным людем велено с собою имати своего и конского до тех мест, как лес листом оденетца...» (Акты служилых землевладельцев. — М., 1997. — Т. I. — С. 207).

²² Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 123.

²³ Так, в конце 1557 г. ратные люди воеводы князя М.В. Глинского «едоучи дорогою, сильно грабил своих, и на рубежи люди его деревни Псковьские земли грабили и животы секли, да и дворы жгли христианския» (Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). — М., 2000. — Т. V. — Вып. 2. — С. 235). Насилия ратников, явно вышедшие за рамки обычая, вызвали соответствующую реакцию Москвы и расследование инцидента. В описи царского архива значится дело о «сыске князя Михаила Глинского про грабеж, как шел в ливонскую землю» (Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. — М., 1960. — С. 38). Как итог, запись в летописи: «И царь и великий князь про то на него (Глинского – В. П.) опалался,

и велел обыскати кого грабили дорогою, и на нем иным доправити те грабежи...» (Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — С. 235).

²⁴ Каштанов С.М., Робинсон А.М. Две жалованные грамоты 1510 года псковским монастырям // Записки отдела рукописей ГБЛ. — М., 1961. — Вып. 23. — С. 256. Ср. (1566 г.): «А наши князи и бо[яре, и дети боярские, и ратные], воеводы, и ловчие, и псари, и бобровники, и всякие ездоки в тех их селех и в деревнях не ставя[т]ца, [ни к]ормов, ни подвод, ни проводников у них не емлют. И гонцы мои подвод, ни проводников у них не емлют же, опричь ратных вестей. А хто у них станет силно, да что возьмет, и тому платити без суда и без ысправы» (Кобрин В.Б. Две жалованные грамоты Чудову-монастырю: (XVI в.) // Записки отдела рукописей ГБЛ. — М., 1962. — Вып. 25. — С. 322). Или (1613 г.): «Ни посолских кормов по станом столовых и подвод и подводников не дают, также и татарских кормов столовых и конских, ни подвод, ни проводников, и казачьих кормов, и стрелецкаго хлеба и денег не дают, и в кормленья вотчину их не отдают. И наши послалники в их монастырскую вотчину ни пошто не въезжают, и крестьян их не наряжают, ни подвод, ни проводников, ни кормов своих и конских не емлют. Ни бобровники, ни посошники, ни островщики, ни псари в их монастырскую вотчину не въезжают и не ставятца, и пошлин им их никаких не дают. И наши всякие послалники и кормовщики в их монастырские вотчины и на дороге и по торгом у их слуг и у крестьян и у всяких монастырских людей подвод и кормов своих и проводников не емлют, и посланникам судов и гребцов не дают» (Жалованная подтвердительная тарханно-несудимая, на данного пристава, односрочная, заповедная (от ездоков и незваных гостей), тарханно-проезжая и на конское пятно грамота ц. Михаила Федоровича иг. Ник. Угр. мря Киприану и казначею Александру на монастырские вотчины в Московском, Коломенском, Клинском, Переславском, ростовском, Костромском, Вологодском, Тотемском и Нижегородском уу. / Прокопенко А.М. Новые документы по истории

землевладения Николо-Угрешского монастыря // Русский дипломатарий. — М., 1997. — Вып. 2. — С. 66).

²⁵ Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580-1581 гг.). — Псков, 2005. — С. 325. Ср. его же замечание от 28 августа: «Немцы жалуются, что четыре дня не ели хлеба; но и у нас его нет: небольшой хлебец, за который в Познани платим полгроша, стоит здесь пять грошей, а какой гадкий – страх! Большие беспорядки. Шинкари, перекупщики дерут немилосердно. Бог знает, что будет потом с нами, служащими без жалованья; особенно бедные кони терпят нужду...» (Там же. — С. 326).

²⁶ О осаде и проблемах со снабжением см., например: Пенской В. В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 г. // Военно-исторический журнал. — 2012. — № 10. — С. 73-79.

²⁷ Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны. (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571-1580 гг. — Москва-Варшава, 1998. — С. 30, 31, 32, 40.

²⁸ Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. I. — С. 249.

²⁹ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. // Русский дипломатарий. — Вып. 10. — С. 135-138. Ср.: «Путное же царево и великого князя к Полотцску шествие нужно и тихо, потому что царь и велики князь всеми полки шел к Полотцску одною дорогою и заповедь великую положил: перешед за рубеж, изо всех полков никакова человека по корм, ни на иную какую добычу отпущати не велел, чтобы теми малыми делы болшого дела не теряли. От множества же воиньского собрания полковые люди и коши в заторех на лесех сметалися, в тесных местех ных полков с кошевными людьми не познати...» (Лебедевская летопись // ПСРЛ. — М., 2009. — Т. XXIX. — С. 305).

³⁰ Там же. — С. 135.

³¹ Акты Русского государства 1505-1526 гг. — М., 1975. — С. 199.

³² Там же. — С. 199.

³³ Там же. — С. 199.

³⁴ Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны. (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571-1580 гг. — Москва-Варшава, 1998. — С. 39, 40-41.

³⁵ Письмо гетмана литовского Радивиля, о победе, одержанной при Уле, 1564 года, генваря 26-го // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1847. — № 3. III. Материялы иностранные. — С. 2. Ср.: «Ис Полотцка же боярин и воевода князь Петр Шуйской с товариши к Орше были с вяземскими воеводами снятися пошли, и шли не по государьскому наказу, оплошася, не бережно и не полки, **доспехи свои и всякой служебной наряд везли в санех** (выделено нами – **В.П.**)...» (Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 329). По нашим подсчетам, под началом Шуйского со товарищи могло быть до 4-4,5 тыс. «сабель» и «пищалей» и около 8-9 тыс. «едоков», не считая лошадей (См.: Пенской В.В. Русское войско в зимнем походе 1536/1564 гг. и в сражении на р. Ула // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда. Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной конференции 22-24 октября 2010 г. — СПб., 2010. — С. 242).

³⁶ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. // Сборник Императорского Русского Исторического общества. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 378

³⁷ См., например: Акты служилых землевладельцев. — М., 2008. — Т. IV. — С. 36, 87, 131.

³⁸ См., например: Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. — М., 1975. — С. 105-106.

³⁹ См., например: Haldon J. et al. Marching across Anatolia: Medieval Logistics and Modeling the Mantzikert Campaign // *Dumbarton Oaks Papers*. — Vol. 65/66 (2011-2012). — P. 216. Ср.: *Logistics of Warfare in the Age of the Crusades. : proceedings*

of a workshop held at the Centre for Medieval Studies, University of Sidney, 30 September to 4 October 2002. — Aldershot-Burlington, 2006. — P. 285 и Chase K. Firearms. A Global History to 1700. — Cambridge, 2003. — P. 17.

⁴⁰ В этой связи становится понятным стремление разрядных дьяков основательно подготовиться к кампании, заранее создав на рубежах развертывания войск перед началом кампании «магазины» с провиантом и фуражом. И эти приготовления служили явным признаком готовящегося начала военных действий (См., например: Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Zweite Abt. Band 1. 1494 Ende Mai – 1500. — Riga-Moskau, 1900. — P. 113).